

Смог я подняться на ноги лишь спустя три месяца после того кошмара. Удар клинка в грудь оказался страшным: лезвие вошло глубоко, задев легкие, а почти все ребра с левой стороны были переломаны. Если бы не вовремя наложенные повязки и не внутренняя сила таинственного человека в черном, который на протяжении всего пути поддерживал во мне жизнь своей энергией, моя вторая плоть пала бы в могилу так же скоро, как и первая.

Придя в себя после глубокого беспомощия, я обнаружил, что нахожусь в небольшом пограничном городке. Сад Гармонии — когда-то был куплен моим нынешним отцом для матери. Он стоял на самом рубеже между Небесной династией и Западной Цзинь. До рождения моего старшего брата родители часто приезжали сюда на месяц-другой, чтобы унять тоску матери по родным краям. Позже, когда семья окончательно осела в столице, они почти перестали здесь бывать. А когда отец встретил Цинь Хао, он подарил этот сад ему — чтобы у вечно странствующего «вольного рыцаря» было пристанище.

Цинь Хао и был тем самым человеком в черном, что спас меня.

О себе он не рассказывал почти ничего. Сказал лишь, что был старым другом отца, а это место, о котором никто не знает, станет для меня надежным убежищем. Он велел мне ни о чем не думать и просто залечивать раны.

За это время я полностью свикся со своим новым телом и новой долей. Теперь меня зовут Оуян Сянфэн, и я — второй сын «государственного изменника» Оуян Сяотяня.

В тот миг, когда я осознал, что в моем распоряжении оказалось чужое тело, душу обожгло яростное неприятие. Ведь это значило, что «Оу Сян» мертв. Да, я не мог смириться. Что может сделать мертвец? Лишь безучастно взирать, как на его глазах оскверняют и убивают мать? Вспоминать собственное бессилие и захлебываться ненавистью? Стань я тогда хоть немного сильнее, возможно, я смог бы ее защитить.

Будь я жив, у меня оставался бы хоть призрачный шанс на месть. Но я погиб от руки того зверя, лишившись возможности воздать за мать и за себя. В том мире не осталось никого, кто мог бы за нас отомстить.

Я ненавижу. Ненавижу свою слабость, ненавижу убийц, ненавижу этот несправедливый мир.

Но что я могу сделать здесь? Этот мир оказался не менее холодным и жестоким. Оуян Сянфэн был лишь ребенком, чью семью вырезали под корень, погубив и множество невинных душ. Придя сюда, я снова остался ни с чем.

И все же была одна разница. Он остался жив — в его теле выжил я. Он нес в себе ту же ненависть к тем, кто убил его близких, к самой этой действительности.

«Что ж, раз ты одолжил мне свою плоть для возрождения, я помогу тебе отомстить. Мы объединим нашу ярость и заставим этот мир содрогнуться!»

Пока я восстанавливался, Цинь Хао начал обучать меня основам внутренней энергии — простейшим техникам дыхания и сосредоточения. Как только раны затянулись, пришла пора настоящих тренировок. Он открыл мне правду: мою семью подставил канцлер Е Фэн. Этот человек подделал письма брата, охранявшего северные рубежи, к правителю Северной Вэй и послания моей матери к ее отцу — моему деду, государю Западной Цзинь. Нас обвинили в сговоре и измене. Цинь Хао хотел, чтобы я обучился боевым искусствам и, повзрослев, убил врага.

Но разве все так просто? Неужели смерть одного Е Фэна искупит жизни родителей, брата и трех сотен домочадцев? Разве гибель главного заговорщика вернет покой трем сотням несправедливо загубленных душ? Разве одна казнь очистит честное имя семьи Оуян от клейма предательства?

Нет. Мало того, это лишь закрепит за нами славу изменников. Я не стану действовать столь безрассудно. Моя месть не будет дешевой. Я найду каждого, кто приложил руку к этой интриге, и заставлю их захлебнуться собственной кровью. Всю их родню, до последнего колена. Я отплачу им стократно тем же способом, которым они сгубили нас! Я вычислю и тех, кто безучастно взирал на нашу гибель, и они тоже познают кару за свое равнодушие.

Раз небо даровало мне вторую жизнь, а Оу Сян превратился в блуждающий призрак иного мира, я исполню долг Оуян Сяньфэна.

Я признал Цинь Хао своим наставником и начал тренироваться на износ, с рассвета до поздней ночи. Мне нужно было поскорее вырасти и обрести независимость, чтобы покинуть его и начать свою жатву.

Однако спустя полгода я встретил человека, который изменил всю мою судьбу.

Его звали Юйвэнь Му. Когда я впервые увидел его, он был в белоснежных одеждах — точно небожитель, чистый, как облако, принесенное ветром. Я же в тот миг тонул в грязи, жалкий и изломанный.

Тем ранним утром я, как обычно, забирался на крутой утес. Это входило в мой ежедневный обряд: пять подъемов и спусков до завтрака, затем час в стойке «мабу», и лишь потом Цинь Хао начинал урок фехтования. Но ночью прошел ливень, камни и почва размокли. В серых сумерках рассвета все казалось зыбким. На полпути камень под моей рукой дрогнул, и я рухнул вниз. Спасло лишь то, что земля после дождя стала мягкой, так что я отделался лишь сломанной ногой.

Лежа в холодной жиже, я не мог пошевелиться от острой боли. Но эта боль была ничем по сравнению с тем шрамом, что пересекал мою грудь, и уж точно ничем — по сравнению с воспоминанием о матери. Ненависть вновь заклокотала в груди. Я заставил себя двигаться, волоча сломанную ногу по грязи. Ждать смерти или спасения от Цинь Хао было не в моем вкусе.

Внезапно над головой пронесся тихий свист ветра, и передо мной, точно лепесток, опустился человек в белом. Ему было за тридцать, облик его дышал благородством и спокойствием. В его чертах не было кричащей красоты, но весь он казался неземным, точно белый журавль среди облаков.

На миг я замер, пораженный его чистотой. Но лишь на миг. В этом мире я был один. Даже Цинь Хао, спасшему меня, я не доверял до конца. Отводя взгляд, я впился содранными пальцами в камни, пытаюсь ползти дальше, но меня вдруг окутало мягкое тепло чужих рук. Белоснежный незнакомец поднял меня; в его глубоком темном взгляде читалась бесконечная жалость.

— Мал еще, а так изводишь себя. Зачем?

Голос его был столь чарующим, что на миг захотелось прижаться к его груди и разрыдаться. Я отвернулся. Этот человек был опасен для моей души. Если я поддамся его доброте, не забуду ли я о своей священной ненависти? Мне суждено прожить эту жизнь в огне вражды, иного пути нет.

Послышался тихий вздох.

— Где ты живешь? Я отнесу тебя. В этой глуши ты и до ночи не доползешь до жилья.

Я молча указал в сторону гор, где за пеленой тумана едва угадывался край крыши. В следующее мгновение мы взлетели. У этого человека была невероятная техника легкости. Я окончательно помрачнел и закрыл глаза, не проронив ни звука.

Дома Цинь Хао встретил гостя настороженно. Лишь когда я объяснил, что произошло, он поблагодарил незнакомца и пригласил в дом.

Когда мою ногу перевязали, а грязь смыли, мужчины вышли для разговора. Я забился под одеяло, пытаюсь прогнать его печальный взгляд. Я чувствовал: грядут перемены, и они связаны с этим человеком. Зачем такому, как он, забираться в пограничную глушь? Ему бы странствовать по великим горам, наслаждаясь свободой, точно бессмертному мудрецу.

На следующее утро человек в белом исчез. Он был лишь мимолетным облаком, не предназначенным для этой грязи. Но в душе осталась странная, тягучая тоска — оттого, что я больше его не увижу.

Впрочем, вскоре и эта тоска была погребена под слоями ненависти. Я рожден для мести, и слабости во мне нет места. Мне не нужны чувства, только ярость. Его жалость лишь подчеркивала мое убожество. Я должен стать сильнее — и телом, и духом. Чтобы никто не мог меня ранить.

Когда нога зажала, Цинь Хао не позвал меня на тренировку. Вместо этого он собрал мои вещи.

— Завтра придет господин Юйвэнь. Ты уйдешь с ним.

Я непонимающе уставился на него.

— А ты?

— Я отправлюсь отдавать долг, — ответил он так спокойно, будто речь шла об обычном ужине.

— Отец не обрадовался бы, узнав, что ты идешь на верную смерть.

— Маршал спас мне жизнь и доверился мне. Я — человек простой, грубый. Кроме меча, мне нечему тебя учить. Но месть — это не только махание клинком, одна лишь сила погубит твое будущее. Маршал хотел бы видеть тебя живым и достойным своей фамилии.

— Это он тебе наговорил? — Я прищурился. Простой воин вроде Цинь Хао не стал бы рассуждать о «будущем». Что замышляет этот Юйвэнь Му? Друг он или враг? — Если ты понимаешь, что одной силой дело не решишь, то зачем...

— Поэтому я лишь отдаю долг верности. А мстить придется тебе самому.

Я долго смотрел в лицо этого человека, но возражать не стал. Утром Юйвэнь Му снова появился на пороге. Цинь Хао уже был готов к выходу.

— Слушайся господина Юйвэня, — он протянул мне узел с вещами. — Внутри записи техник и рисунки приемов. Продолжай тренироваться. Даже если не станешь великим мастером, сможешь защитить себя.

Затем он внезапно опустился на колени перед человеком в белом и трижды ударил челом оземь. Юйвэнь Му попытался его поднять, но Цинь Хао твердо произнес:

— Вверяю Сянфэна вашим заботам. За ваш великий дар я, Цинь Хао, смогу отплатить лишь в следующей жизни.

С этими словами он исчез в лесной чаще, не оборачиваясь. Мне не нужно было спрашивать, куда он направился. В сердце стало еще на одну каплю тоски больше, но я не стал ее прогонять. Цинь Хао, за твою преданность Оу Сян тоже сможет отплатить лишь в ином воплощении.

Пограничная пустошь, край вечного холода. Это была тропа, ведущая в северо-западные степи — та самая дорога, что стала путем в преисподнюю для трех сотен членов семьи Оуян.

Именно здесь, в этой небольшой роще, тех, кто был обречен на ссылку, вырезали конвойные солдаты. На поляне в центре уже пробилась молодая трава, скрывающая землю, когда-то пропитанную кровью. Весенний ветер дышал жизнью. Кто бы мог подумать, сколько неприкаянных душ блуждает здесь под покровом земли?

— В тот день Цинь Хао с верными людьми хотел напасть на темницу, но потерпел неудачу. Многие погибли или были ранены, им оставалось лишь беспомощно смотреть на казнь твоего отца и брата. Позже он планировал спасти вас уже в ссылке, когда охрана ослабнет, но узнал, что Е Фэн приказал искоренить вашу семью в пути. Солдаты конвоя были его личными прихвостнями. Когда Цинь Хао с остатками отряда добрался сюда, было уже поздно. Лишь по счастливой случайности он успел выхватить тебя из кучи тел до того, как эти псы подожгли их. Небо оказалось милосердным к роду Оуян, сохранив его наследника.

В голосе Юйвэнь Му слышалась нескрываемая горечь и гнев. Этот «небожитель» искренне сострадал нашей беде. Я поднял голову, глядя на него.

— Куда ты меня ведешь? Зачем принимаешь на себя такую ношу?

За время нашего пути я понял: его забота — не притворство. Но я не хотел затягивать его в свой мрак. Ему место в цветущих садах, а не в моей бездне.

— Я защищу тебя. Ты ведь хочешь отомстить за близких? Я научу тебя, как это сделать правильно.

Он присел передо мной, мягко улыбаясь. В этот пасмурный день он выглядел столь лучезарно, что глазам стало больно. Мне захотелось скрыться, спрятаться за тучами.

— Я знаю, как мстить.

— И как же?

— Найду доказательства, очищу имя отца. А потом уничтожу Е Фэна — так, чтобы его род исчез, а имя было проклято. Все, кто участвовал в заговоре, содохнут в муках!

По мере того как я выплевывал эти слова, лицо Юйвэнь Му становилось все печальнее. Он прижал меня к себе и тихо прошептал:

— Фэн-эр, в твоём сердце слишком много яда. Он погубит тебя прежде врагов.

— Если я смогу отомстить, пусть я хоть рассыплюсь в прах! — Я оттолкнул его руки. — Разве есть в мире мука страшнее той, что познала моя семья?

Он долго молчал, глядя на меня с такой бесконечной жалостью, что мне стало тошно. Нет, не смотри так, тебя это не касается! Мне не нужно сочувствие, мне нужна ненависть — она мое единственное топливо. Без нее я не знаю, зачем мне вообще топтать эту землю.

— Фэн-эр, ты еще так мал... — выдохнул он. — Мир не состоит из одной лишь подлости, как тебе кажется.

С неба упали первые капли. Пошел мелкий, холодный дождь. Говорят, такие нежные дожди бывают лишь на юге... Неужели само небо оплакивает павших? Я не хотел в это верить. Вера — для тех, кому есть что терять.

Я опустился на колени на мокрую траву, позволяя дождю пропитать одежду. Внутри меня кричал и плакал ребенок.

«Не плачь. Отныне — ни одной слезы, это оружие слабых. Я отомщу за тебя. За родителей, за братьев, за всех. Твоя обида — теперь моя».

— Фэн-эр, — Юйвэнь Му поднял меня с земли. — Пойдем со мной. Отныне я буду твоим наставником и твоей семьей. Пусть сейчас ты мне не веришь, но я приложу все силы, чтобы добиться правды для дома Оуян. Но запомни: имя Оуян Сянфэна должно исчезнуть. Для мира он мертв. Смена обличья и ожидание — это единственное, что нам доступно.

Да, Оуян Сянфэн мертв. Но разве Оу Сян не разделил его участь?

— Цинмин, — произнес я, глядя на то, как дождь превращает пейзаж в призрачное видение. — В день Цинмин всегда льют дожди. Это время памяти и скорби. Нужно помнить их обиду, их боль. Каждое мгновение.

Сегодня был день поминовения усопших. Я выбрал себе это печальное имя. Пусть каждый, кто зовет меня, напоминает мне о моей цели. О том, что я должен помнить этот кошмар и долг крови. Помнить, что мой путь — это месть миру, лишенному милосердия.

— Фэн-эр... зачем же так... — Юйвэнь Му вздохнул и повел меня прочь от этого места. — Сначала отправимся в Долину Забвения Забот. После резни конвоя двор ищет всех, кто связан с семьей Оуян. Тебе нужно скрыться.

Оуян Сянфэну было всего десять, и он походил на свою красавицу-мать. Но дети меняются. Его отец и брат были статными, суровыми воинами. Пройдет несколько лет, и он превратится в высокого мужчину, в котором никто не узнает выжившего ребенка.

Да. Нужно лишь подождать. Когда я овладею силой и вырасту, я разожгу пожар мести, который поглотит всех моих врагов. И в этом огне не будет спасения.

<http://bllate.org/book/17477/1691990>